

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПЁТР МИХАЙЛОВИЧ ГАВРИЛОВ

А.А.Кипец

Белорусский государственный университет

Родился 17 (30) июня 1900 г. в селе Альвидино Казанской губернии (ныне Пестричинский район республики Татарстан). Из крещёных татар. Отец умер ещё до его рождения. Гаврилов происходил из казанских татар, причем из тех, предки которых еще при Иване Грозном были обращены в православие. Они приняли вместе с верой русские имена и фамилии, но сохранили и свой язык, и многие обычаи. Крестьянином-бедняком из бедной деревушки неподалеку от Казани был его отец. В нищете и темноте прошли детские годы Петра Гаврилова. Тяжелая, трудная жизнь сызмала воспитывала в нем характер терпеливый, волевой, привыкший к борьбе с несчастьями и тяготами сурового крестьянского быта.

Этот твердый, сильный характер пригодился ему, когда в 1918 году он пришел в Красную Армию. Он попал туда темным, неграмотным парнем, но зато принес с собой железное упорство, умение настойчиво преодолевать трудности - качества, так необходимые военному. Красная Армия не только дала ему военные знания и навыки - она сделала его политически сознательным человеком, научила читать и писать. Он мужал и рос в боях с колчаковцами и денкинцами, в схватках с белобандитами в горах Северного Кавказа. Все больше выявлялись волевые свойства его характера, смелость и мужество, его недюжинные организаторские способности. И неудивительно, что вскоре после окончания гражданской войны Гаврилов стал коммунистом и красным командиром. Послевоенная служба его проходила на Северном Кавказе. Там он женился. Детей у них с женой не было, и они взяли из детского дома мальчика-сироту. Гаврилов усыновил его, и маленький Коля рос в семье как родной сын - жена Гаврилова Екатерина Григорьевна нежно заботилась о нем. Гаврилов принадлежал к числу тех красных командиров, которые были выдвинуты гражданской войной из самой гущи народа.

Глубоко преданные Советской власти и партии большевиков, смелые и самоотверженные в борьбе с врагами Родины, талантливые военачальники, они не имели нужной теоретической подготовки, достаточных знаний и общей культуры. И страна, которая едва перевела дух после разорительных войн, принялась учить командные кадры своей защитницы-армии. За это время Гаврилов побывал на различных командирских курсах, а потом ему предоставили возможность поступить в Военную академию имени Фрунзе - лучшую кузницу командиров Красной Армии. Учиться в академии было очень трудно - мешало отсутствие образования. Но опять помогло то же непреклонное гавриловское упорство.

Он вышел из академии майором и получил полк. Несколько месяцев спустя, трескуче-морозной зимой 1939 года, в дни финской кампании, этот 44-й стрелковый полк под его командованием показал себя как вполне надежная боевая часть в трудных боях на Карельском перешейке. После финской войны вся 42-я дивизия была переброшена в Западную Белоруссию, в район Березы-Картузской, а за два месяца до войны полк Гаврилова поревели в Брестскую крепость. Семья его получила квартиру в самой крепости, в одном из домов комсостава. Екатерина Григорьевна, уже давно страдавшая острым суставным ревматизмом, теперь по неделям была прикована к постели, а подросток Коля - любимец бойцов - целые дни проводил в подразделениях. Гаврилова редко видели дома - нелегкая должность командира полка не оставляла ему свободного времени. Дотошный, как говорили, "вьедливый" начальник, настойчиво и придиричиво вникающий во все мелочи жизни и быта своих подчиненных, он не давал спуска ни себе, ни другим. В нем жило вечное, неугасающее недовольство собой, своим полком, тем, что уже достигнуто в ходе напряженной

учебы; казалось, сделано слишком мало, а время и обстановка не ждут, торопят. Особым чутьем военного, к тому же находившегося на самой границе, Гаврилов угадывал приближение грозных событий. И это предчувствие словно подстегивало его. Он помнил, каким нелегким испытанием для наших войск оказалась финская кампания, и теперь дорожил каждым мирным днем, чтобы лучше подготовить свой полк к той главной проверке, которая - он был убежден в этом - вскоре предстояла ему. Со свойственным ему прямодушием Гаврилов в беседах с бойцами и командирами не раз говорил, что война не за горами, что опасный сосед за Бугом способен на все и Гитлеру ничего не стоит разорвать мирный договор с Советским Союзом, как рвал он до этого другие международные соглашения. Но, как известно, в те предвоенные годы подобная откровенность могла дорого обойтись. Нашелся человек, написавший на Гаврилова заявление в дивизионную партийную комиссию. Его обвиняли в том, что он говорит о неизбежности войны с Германией и этим сеет тревожные настроения среди своих подчиненных. Обвинение было очень серьезным, и Гаврилову грозило нешуточное партийное взыскание. Комиссия назначила слушание его персонального дела на 27 июня 1941 года, и все эти последние дни он с трудом старался скрыть от товарищей по службе и от семьи одолевающее его беспокойство в предвидении будущих неприятностей.

Сейчас это кажется чудовищной нелепостью, но от партийного взыскания за то, что он предсказывал войну, Гаврилова спасла... война, разразившаяся за пять дней до предполагавшегося заседания парткомиссии. Услышав первые взрывы на рассвете 22 июня 1941 года, Гаврилов сразу понял, что началась война. День ото дня усиливался артиллерийский обстрел, все более жестокими становились бомбежки. А в форту кончились запасы пищи, не было воды, люди выходили из строя. По приказу Гаврилова были отправлены в плен женщины и дети. Противник наседал. Время от времени автоматчики врываются на гребень внешнего вала и кидали оттуда гранаты в подковообразный дворик. 29 июня гитлеровцы предъявили защитникам Восточного форта ультиматум - в течение часа выдать Гаврилова и его заместителя по политической части и сложить оружие. В этот день и на следующее утро в рукопашных боях сопротивление защитников Восточного форта было окончательно сломлено, и те, кто уцелел, оказались в плену. Автоматчики обшаривали один каземат за другим - искали Гаврилова. Офицеры настойчиво допрашивали пленных об их командире, но точно о нем никто не знал. Некоторые видели, как майор уже в конце боя вбежал в каземат, откуда тотчас же раздался выстрел. "Майор застрелился", - говорили они. Другие уверяли, что он взорвал себя связкой гранат. Как бы то ни было, найти Гаврилова не удалось, и немцы пришли к заключению, что он покончил с собой.

Неизвестной осталась и судьба политрука Скрипника. Гаврилов не взорвал себя и не застрелился. Он был застигнут автоматчиками в темном каземате внутри вала, где последнее время находился его командный пункт. Майор был вдвоем с бойцом-пограничником, который во все дни обороны исполнял обязанности адъютанта и порученца командира. Три дня Гаврилов провел без пищи. Видимо, его выдали стоны. Он внезапно очнулся оттого, что совсем рядом с ним раздались голоса. Через свою смотровую щель он увидел двух автоматчиков, стоявших здесь, внутри каземата, около груды навоза, под которой лежал он. И, странное дело, как только Гаврилов увидел врагов, силы снова вернулись к нему, и он забыл о своей болезни. Он нащупал немецкий пистолет и перевел предохранитель. Немцы, казалось, услышали его движение и принялись ногами разбрасывать навоз. Тогда он приподнял пистолет и с трудом нажал на спуск. Пистолет был автоматическим - раздалась громкая очередь, - он невольно выпустил всю обойму. Послышался пронзительный крик, и, стуча сапогами, немцы побежали к выходу. Собрав все силы, он встал и раскидал в стороны прикрывавший его навоз. Гаврилов понял, что сейчас он примет свой последний бой с врагами, и приготовился встретить смерть, как положено солдату и коммунисту, - встретить ее в борьбе. Он положил рядом свои пять гранат и взял в руку пистолет - свой командирский ТТ. Немцы не заставили себя долго ждать. Прошло не более пяти минут, и по амбразурам каземата ударили немецкие пулеметы. Но обстрел снаружи не мог поразить его - бойницы были направлены так, что приходилось опасаться только рикошетной пули. Потом донеслись крики: "Рус, сдавайся!" Он догадался, что солдаты в это время приближаются к каземату, осторожно пробираясь вдоль подножия вала. Гаврилов выждал, когда крики раздались совсем рядом, и одну за другой бросил две гранаты - в правую и левую амбразуры. Враги кинулись назад, и он слышал чьи-то протяжные стоны - гранаты явно не пропали даром. Через полчаса атака повторилась, и снова он, расчетливо выждав, бросил еще две гранаты. И опять гитлеровцы отступили, но зато у него осталась только одна, последняя граната и пистолет. Противник изменил тактику. Гаврилов ждал нападения со стороны амбразур, но автоматная очередь прогремела за его спиной - один из автоматчиков показался в дверях. Тогда он метнул туда последнюю гранату. Солдат вскрикнул и упал. Другой солдат просунул автомат в амбразуру, и майор, подняв пистолет, дважды выстрелил в него. Дуло автомата исчезло. В этот момент что-то влетело в другую бойницу и ударило об пол - блеснуло пламя взрыва, и Гаврилов потерял сознание. После общего штурма 30 июня, предпринятого немцами и окончившегося захватом Восточного форта, Гаврилов с остатками своей группы (12 человек с четырьмя пулемётами) укрывается в казематах. Оставшись один, 23 июля тяжело раненым попадает в плен. После освобождения восстановлен в армии и прежнем звании (но не в партии). Осенью 1945 г. - начальник лагеря для японских военнопленных в Сибири. В 1946-1947 гг. проживал на родине, затем по официальным советским данным переехал в Краснодар. В Краснодаре же поселился после смерти Сталина и своего освобождения по адресу ул. Светлая 103 (в 1980 году переименована в ул. Гаврилова); там в 1955 г. он находит свою семью, потерянную в

первый день войны. После выхода в 1956 г. книги С.Смирнова «Брестская крепость» восстановлен в партии и награждён орденом Ленина и удостоен звания Героя Советского Союза. Пётр Михайлович Гаврилов скончался 26 января 1979 года. Похоронен в Бресте. Имя героя носят улицы в Казани, Бресте, Краснодаре и Пестрецах.